

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

УДК 316.334.2(470+571)

ББК 60.561.2(2 Рос)

Е 74

А.А. Ермоленко,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики Южного института менеджмента, г. Краснодар, тел./факс (861)-233-88-59. моб. 8-928-275-81-88, e-mail: ermolenko_alex @ inbox.ru

Системный субъект в лице современной России: социальные аспекты экономического развития

(Рецензирована)

Аннотация. Способ существования системного субъекта, олицетворяющего социально-экономическую систему современной России, обусловлен рентной стратегической ориентацией страны, доминированием института государственной власти над институтом собственности, а также процессом интеграции данной системы в состав глобального мирового хозяйства, неадекватен императивам перехода к «экономике, основанной на знаниях». Эффективное взаимодействие характерной для России «экономики пространства» с характерной для стран Запада «экономикой времени» предполагает особую — пространственно-временную — форму толерантности.

Ключевые слова. Пространство, время, система, толерантность, рента.

А.А. Ermolenko,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economics of the Southern Institute of Management, Krasnodar, tel. / fax (861) -233-88-59. mob. 8-928-275-81-88, e-mail: ermolenko_alex@inbox.ru

Systemic subject in the face of modern Russia: the social aspects of the economic development

Abstract. Mode of existence of the subject system that embodies the socio-economic system of modern Russia, the rent is due the strategic orientation of the country, dominated institution of state power over the institution of property, as well as the integration system process into the global world economy, the imperatives of inadequate transition to “an economy based on knowledge”. Effective interaction typical Russian “space economy” with typical for Western countries’ economy of time” assumes a special space-time form of tolerance.

Keywords. Space, time, system, tolerance, rent.

Современная стагнация в экономике России обращает нас к глобальной рецессии, когда в заостренной форме проявились специфические характеристики траектории социально-экономического развития страны. Тогда в поисках выхода из глобального финансового кризиса Россия проявила своеобразие своего экономического поведения. Если США сконцентрировали свои усилия на выкупе «плохих» акти-

вов у крупнейших национальных участников финансового рынка, а страны ЕС пошли по пути обобществления прав собственности на капитал своих «провальных» банков, то Россия избрала способ передачи части национальных резервов мощным кредитным, страховым и финансово-инвестиционным организациям, находящимся под контролем государства. Оказывается, можно тушить финансовый пожар, раздавая

подарки тем, кто и так не был обделен вниманием власти.

В условиях современной стагнации мы вновь высоко держим планку кредитного процента, оставляя собственников производителей без широкого доступа к столь необходимым для них заемным ресурсам, а также направляем национальные резервы в обеспечение роста американского внутреннего долга. За своеобразием экономического поведения в различных сложных ситуациях скрывается устойчивое существование России в качестве специфического субъекта общественно-хозяйственных отношений, системное качество которого не смогли изменить ни полтора десятилетия рыночных преобразований, ни динамичная интеграция в состав мирового хозяйства. Какова же природа этого субъекта?

Для ответа на поставленный вопрос нам мало помогут определения рыночных экономических субъектов из фундаментальных книг по рыночной экономике, поскольку сразу видно, что перед нами не обычный участник рынка, а некий Голиаф, который не может быть описан с помощью правил потребительского выбора и принципов рационализации рыночного поведения.

Реально существующие системы хозяйства рано или поздно выходят за пределы предназначенных для их описания экономических категорий. «*Homo economicus*», вошедший в оборот экономического анализа в эпоху А. Смита и эффективно использовавшийся для теоретических построений на протяжении двух веков, стал недостаточен для отражения и понимания многих субъектных форм хозяйственной жизни современного мира. В какой-то мере современная экономическая наука компенсировала эту недостаточность посредством введения в оборот исследования альтернативных категорий: «*Homo institutus*», «*Homo socialis*» и др.

Нам понадобится иная категория — системный субъект. Она соответствует системной парадигме современной экономической науки и отражает живые формы организации хозяйственных

отношений, обладающие устойчивыми потребностями, интересами, механизмами адаптации и, что самое главное — потенциалом саморазвития.

Например, коммерческая организация (предприятие) как системный субъект обладает собственным капиталом, потребностями в материальных и нематериальных ресурсах, ответственностью перед своими участниками, механизмом адаптации к изменениям в рыночной среде, а также способностью продуцировать инициативы и инновации, которые принципиально изменяют рынок.

Рассуждая о системных субъектах, мы рискуем воспроизвести дискуссию между номиналистами и реалистами в философской литературе средневековья: то ли эти субъекты есть на самом деле, то ли мы их продуцируем в своей голове. В первом случае мы приходим к выводу об одухотворенности предприятия, во втором случае — целиком относим созидательный потенциал организации на счет творческих усилий отдельных людей, сводя ее форму к внешней оболочке индивидуальной деятельности.

На самом деле организация представляет собой живую, самодеятельную систему, которая не только восприимчива к переменам, но и способна их инициировать — например, перемещать ограниченные и ценные ресурсы из непродуктивных видов бизнеса в продуктивные проекты, а также создавать качественно новые проектные идеи.

Исторически первой и простейшей *пространственной* формой системного субъекта выступает домохозяйство, в котором воплощены потребности, созидательный потенциал и территория существования одной семьи. Отметим, что уже в этой простейшей форме рельефно проявляются конституирующие признаки любого интегрального субъекта:

— собственная вертикаль экономической власти, в простейшем случае (домохозяйство) представленная как власть главы семьи;

— системная организация прав собственности и их эффективное

распределение во внутренней среде интегрального субъекта;

— способность обеспечивать свое функционирование и развитие.

Пространственная система страны представляет собой более сложную форму организации системного субъекта хозяйственных отношений, в которую встроена вертикаль государственной власти. На этом эволюционный процесс не останавливается, порождая производные от системы страны формы системных субъектов:

— во внутренней среде национального хозяйства — региональные и субрегиональные системы;

— во внешней среде мирового хозяйства — мета-системы, включающие в себя ряд национальных хозяйств.

Проекция системных субъектов в системе отношений права дает категорию юридического лица, которая, однако, не может применяться в обороте экономического исследования.

Поскольку системные субъекты предполагают определенную иерархию отношений, то интересно соотнести их с концептуальными положениями современной теории контрактов. Анализируя эволюцию рыночных сделок, О. Уильямсон пришел к выводу о том, что в процессе развития рынка безликая контрактация уступает дорогу двусторонней контрактации, в которой складываются устойчивые пары контрагентов, происходит устойчивая спецификация активов и «притирание» друг к другу субъектов контрактных отношений. В свою очередь, двусторонняя специфицированная контрактация во многих случаях уступает дорогу внутренней организации, обладающей иерархией и способностью «разрешения проблем» [1].

В основе указанных преобразований лежат потребности самих участников рыночных сделок. Во всех случаях, когда активы являются весьма специфическими, возрастает степень неопределенности, что, в свою очередь, возвышает потребность в формировании участниками хозяйственных отношений специального механизма «разрешения проблем», то есть, потребность

в особом системном субъекте, обладающем иерархией.

В хозяйственном пространстве страны действует множество факторов, обуславливающих высокую степень спецификации активов:

— взаимодействие различных социальных групп;

— территориальная дифференциация распределения ресурсов;

— наличие группы совместных потребностей (экономической безопасности, защиты прав собственности и др.).

Указанные факторы обуславливают активное участие института государственной власти в функционировании и развитии пространственной системы страны.

Пространственная система каждой страны олицетворяется как системный субъект, который обладает своей формой организации и особым способом существования, или способом обеспечения материальной жизни. Поэтому любые попытки механического трансфера институтов из одного национального хозяйства в другое обречены на провал; совсем недавно эту истину проверили на себе российские либеральные реформаторы, которые пытались перенести на отечественную почву институты, сформировавшиеся и получившие развитие в экономической среде США и стран Западной Европы.

Организация огромной пространственной системы России продиктована ее природой — пространство не только притягивает к себе новое пространство, но и диктует способ организации системного субъекта как лица страны. Вертикаль государственной власти здесь обременена огромными полномочиями и такой же огромной ответственностью перед обществом. Да она сама и есть общество в его первом определении. Это тождество прописано в сознании граждан России.

Собственность в пространстве России подчинена государственной власти и выполняет по отношению к ней сервисную функцию. Капитал, который пытается выйти за рамки такой субординации, становится нелегитимным и подлежит публичному наказанию —

чтобы другим неповадно было. Только власть выступает здесь легитимным источником богатства как «общественного фонда цивилизации», собственность же призвана приносить власти материальные и духовные элементы для формирования богатства. Поэтому любая попытка «защитить права собственности», не изменяя качество отношений рассматриваемого интегрального субъекта, обречена на провал.

Институциональная асимметрия между собственностью и властью дорого обходится системному субъекту в лице России:

— всеобъемлющий контроль над капиталом и гражданским обществом обеспечивается с помощью бюрократической пирамиды, поглощающей значительную часть доходов и энергии общества;

— высокий уровень транзакционных издержек бизнеса (в значительной части — скрытых от наблюдения) обуславливает низкую конкурентоспособность многих видов бизнеса;

— диктат власти отчуждает эволюционный процесс от частной инициативы, а значит, и от инноваций.

Системный субъект в лице России правомерно квалифицировать как «экономику пространства», по всем основным параметрам противостоящую «экономике времени». В современном мире существует определенная асимметрия времени и пространства — для одних стран независимой переменной (аргументом функции хозяйственной системы) выступает время, а для других — такой независимой переменной выступает, наоборот, пространство. В первом случае система отношений динамична и предрасположена к экономии времени и переменам, во втором случае — она консервативна и предрасположена к завышенной оценке имеющихся у нее природных ресурсов и угроз своему существованию, а также к использованию указанных ресурсов и угроз в качестве инструментов политики.

Хозяйственная система России, расположенная на просторах Евразии, объективно ориентирована на освое-

ние природных ресурсов, имеющих в контролируемом пространстве. Естественными ограничениями в развитии такой системы выступают:

— низкая плотность населения;

— обилие экстремальных условий проживания людей;

— затрудняющие развитие бизнеса и гражданского общества издержки транзакций и социальных коммуникаций.

Указанные возможности и ограничения обусловили специфические характеристики интегрального субъекта в лице современной России.

Закон экономии времени действует в огромном хозяйстве России специфическим образом. В «экономике пространства», извлекающей из кладовой природы и оборачивающей огромные объемы ресурсов, многие субъекты хозяйственных отношений существуют вовсе не за счет извлечения ненадежной прибыли, которую, только и гляди, отберут в пользу государства, а посредством имитации «неизбежных» издержек и потерь, скрывая в них свою долю «теневого» дохода.

Именно в такой имитации общественно необходимых издержек лежит основание устойчиво отождествляемого с Россией феномена всеобщего воровства, с помощью которого подавленный властью институт собственности отчасти компенсирует себя.

«Экономика пространства» ни может быть силой политической воли превращена в «экономику времени», как бы этого не хотелось многим российским преобразователям, начиная с Петра Великого. Попытка осуществления либеральных рыночных преобразований в России свидетельствует о том, что «экономика пространства» активно отторгает насильственно внедряемые в ее структуру чужеродные институты, восстанавливая свою органическую целостность.

Но из опыта либеральных рыночных преобразований в России стоит извлечь еще один урок — «внешним» наблюдателям и исследователям необходимо понять внутреннюю организацию «экономики пространства» и избавиться-

ся от поверхностно-высокомерного отношения ко всему, что не вписывается в рамки неоклассической доктрины, сложившейся в условиях «экономики времени».

Во всяком случае, у этих способов организации общественного хозяйства — различные системы ценности. Богатство в экономике пространства есть, прежде всего, само пространство, обладание им, расширение его [2]. Обладая огромным пространством, волеяневолей приходится делать ставку на использование скрытых в нем ресурсов и на преимущественно экстенсивное развитие. Интегральный субъект «экономики пространства» есть империя «в себе», которая при определенных обстоятельствах превращается в империю «для себя».

«Экономика пространства» и «экономика времени» еще ждут своего глубокого социального анализа, ориентированного на выявление точек их соприкосновения и возможностей интеграционного взаимодействия. Нельзя принимать во внимание только моменты различия. Оба типа организации хозяйственных отношений сближает то обстоятельство, что они измеряются одним и тем же мериллом — скоростью движения по ступеням прогресса. В конце концов, мир един в своем пространственном и временном многообразии.

Глобальная интеграция обостряет проблему понимания друг друга и проявления особой формы — назовем ее пространственно-временной — толерантности. Не надо рефлекторно отталкивать от себя то, что иначе устроено. В кризисных ситуациях субъектам «экономики времени» и «экономики пространства» следует улавливать и использовать все импульсы к позитивному взаимодействию, прокладываящую дорогу к дальнейшему интеграционному переплетению интересов.

«Экономика времени» в своем развитии ориентирована на прибыль; напротив, «экономика пространства» кладет в основание своего эволюционного процесса механизмы ренты. Такой выбор обусловлен господством

института государственной власти, отсутствием конкурентной среды и масштабами хозяйственного пространства. Если хозяйственная система построена на контроле над территорией и стремится к приращению своего жизненного пространства, то ее участники нацелены на добычу, первичную переработку и продажу ресурсов своей кладовой природы.

Поэтому закономерно, что в качестве способа существования Россия давно избрала для себя извлечение природной ренты. Рентный механизм представляет собой один из наиболее древних способов обеспечения материальной жизни. Но не стоит спешить с выводом о том, что он безнадежно устарел. Древо ренты произрастает как архаическими, так и вполне современными ветвями — достаточно упомянуть интеллектуальную ренту, извлекаемую владельцами человеческого капитала.

Ветвь природной ренты в огромной пространственной системе современной России воплощается в стратегической ориентации хозяйства страны на добычу, первичную переработку и продажу энергоресурсов, руд металлов, лесных ресурсов. Благодаря резкому повышению мировых цен на продовольствие, этот перечень вскоре может быть дополнен аграрными ресурсами, тем более, что такое дополнение соответствует традиционной ориентации российского хозяйства при царской власти.

Как обеспечивает свою жизнь системный субъект, для которого характерна рентная стратегическая ориентация? Где ключ к пониманию способа его существования? Жизнь во всех ее формах есть регулируемый способ обмена веществ между организмом и внешней средой, и весь вопрос в том, каким образом обеспечивается такое регулирование.

Эвристическая ценность классической пирамиды потребностей А. Маслоу заключается и в том, что она содержит в себе необходимые основания для типизации способов человеческого существования — от потребности в пище до потребности в саморазвитии личности. От тех или иных систем и

возглавляющих их политических деятелей требуется только выбор одного из таких оснований.

Централизация общественной жизни России обуславливает особую роль человека, стоящего во главе страны. Однако не стоит преувеличивать возможности того единичного субъекта, кто только лично воплощает в себе всю громаду системного субъекта. Критически оценивая результаты развития России, вряд ли правомерно возвеличивать или демонизировать какого бы то ни было лидера — плох он или хорош, но он призван своей пространственной системой и служит ей, пока способен обеспечивать способ ее существования.

Перестанет обеспечивать — его сменит какое-то иное лицо, более адекватно персонифицирующее пространственную систему России. Здесь, как и во всех иных общественно-хозяйственных ситуациях, речь идет о лицах лишь постольку, поскольку они являются олицетворением определенных объективно необходимых экономических отношений. Государь удерживает власть, отмечает Н. Макиавелли, в том случае, если его деятельность соответствует определенным правилам, то есть, говоря современным языком, если он институционально адекватен системе, в которой он властвует [3].

Способ существования экономической системы современной России основывается на одной из элементарнейших потребностей человеческого существования — потребности в безопасности. Но самые элементарные потребности тем и хороши, что устойчивы и не нуждаются в пояснениях, и политике надежнее всего на них опираться.

Мы раскроем этот способ предельно просто, в его наиболее абстрактном определении, сознательно отказываясь от рассмотрения всех частных, отделяя ветви от интересующего нас ствола. Он включает в себя два взаимосвязанных момента:

— воспроизводство необходимых угроз и рисков на мировых рынках (по-русски это называется «нагнать страху на весь мир»), позволяющее поднять и зафиксировать на высоком уровне

рыночные котировки на энергоносители и сырье и максимизировать извлекаемый рентный доход;

— воспроизводство необходимого внутреннего социального напряжения (по-русски это называется «нагнать страху на собственный народ»), дабы без осложнений распределить полученный рентный доход между установленными властью субъектами и не допустить нежелательной дисперсии финансово-инвестиционных ресурсов.

Конечно же, есть множество иных способов воздействия на мировые рынки, но все они предполагают конкурентное взаимодействие, изменение соотношения между важнейшими параметрами хозяйственного развития. Но системный субъект в лице современной России устроен так, что у него нет выбора, поскольку он не обладает необходимыми конкурентными преимуществами, и, прежде всего, по-настоящему конкурентоспособными бизнес-структурами. Сказывается сервисная роль института собственности, лишаящая его рыночной дееспособности.

Соответственно, есть множество альтернативных способов воздействия на участников пространственной системы страны в целях обеспечения необходимого для нее способа распределения имеющихся финансово-инвестиционных ресурсов, предполагающих опору на потенциал гражданского общества, силу среднего класса, возможности местного самоуправления и др.

Но эти способы плохо сочетаются с жесткой и мощной вертикалью государственной власти, предпочитающей редуцировать гражданское общество к совокупности «ручных» некоммерческих организаций, бюрократизировать средний класс, сведя его к совокупности государственных, муниципальных и корпоративных чиновников, а также превратить местное самоуправление в нижнюю ступень лестницы государственного управления. Сказывается преемственность современной России по отношению к сталинской «системе всеобщего страха». Так что и здесь вы-

бора практически нет.

Описанный способ существования социально-экономической системы современной России надежен и не раз доказывал свою эффективность на деле. Так, столкновение с Грузией в августе 2008 года мгновенно обеспечило взлет нефтяных котировок на 10 долларов за баррель и заодно надолго гарантировало власть от ненужных дискуссий на тему о социальной справедливости распределения гигантских рентных доходов.

Способ существования системного субъекта в лице современной России плох только одним — если его использовать, то модернизация, жизненно необходимая для инфраструктуры и функционирующего капитала страны, а тем более, последующее инновационное развитие никак не получаются. Да и о развитии, в полном смысле слова, говорить не приходится — налицо, скорее, повторение уже не раз пройденного пути, то есть, простое инерционное воспроизводство хозяйственных и социально-политических отношений.

Но способ до сих пор применяется, находя внешние и внутренние ресурсы для своей консервации. Чем больше неупорядоченности во внутренней среде пространственной системы России, тем агрессивнее ее вертикаль власти по отношению к внешнему миру. Бей чужих, и свои покорнее будут. В свою очередь, чем сильнее изоляция, в которой оказывается страна после каждого проявления внешней агрессии, тем больше оснований для инерционного продолжения прежней политики, основанной на эксплуатации общественной потребности в безопасности.

Следует признать, что системный субъект в лице современной России покоится на надежном основании и обладает значительными возможностями для консервации своего нехитрого способа существования. Но он не отделен от остального мира китайской стеной, а этот мир не стоит на месте. Надо кому-то продавать свои природные ресурсы и у кого-то приобретать все возрастающую массу товаров, которые Россия сама производить не в состоя-

нии. Наконец, надо просто вписываться в мировое хозяйственное и социально-коммуникационное пространство, чтобы поддерживать статус надежного партнера по сделкам.

Чем больше интегрирован в глобальное мировое хозяйство системный субъект в лице России, тем больше он *вынужден* активно использовать финансовые инструменты, обеспечивающие формирование, извлечение и распределение рентных доходов, выходить на мировые рынки капитала, участвовать в глобальном информационном пространстве, а также поддерживать собственный позитивный имидж и инвестиционную привлекательность.

Но, может быть, речь идет только о внешней виртуальной оболочке, под которой скрывается все та же вертикаль государственной власти? Хорошо известно, что любая актуальная форма обладает преобразовательным потенциалом по отношению к своему содержанию. Противоречивое соединение постиндустриальной формы и архаического содержания — временная, переходная ситуация, которая должна разрешиться в пользу одного из двух альтернативных сценариев:

— силы интеграции берут верх, и интегральный субъект в лице России постепенно преодолевает свою природу, выходит за свои пределы, чтобы найти свое новое качество;

— силы изоляции доминируют, и в огромной пространственной системе России начинается дезинтеграция. Нормальный обмен веществ с внешним миром сменяется режимом медленного гниения.

Оценивая вероятность реализации каждого из этих сценариев, необходимо исходить из того, что выбор между ними — не только за Россией, но и за всем остальным миром. Дефицит толерантности может обернуться запуском негативного сценария и масштабным кризисом страны, обладающей огромным военным арсеналом и незаурядной энергией населения, привыкшего действовать именно в критических ситуациях.

Большинство противоречий, с ко-

торыми сталкивается процесс экономического исследования, обладает определенным эвристическим потенциалом. В хозяйственной жизни есть множество феноменов, которые удивляют мир своим консерватизмом и устойчивостью к преобразованиям. Но длительное существование в изменяющемся мире само по себе изменяет их. Та же корпорация, существующая не менее пяти-сот лет, претерпела в своей внутренней среде и формах внешнего рыночного поведения огромные изменения и продолжает изменяться.

Вертикаль экономической власти наиболее развитых современных корпораций покоится уже на совершенно ином основании — системе знания, воплощенной в корпоративных компетенциях, нематериальных активах и человеческом капитале. Бряд ли в стратегической перспективе может остаться неизменной вертикаль государственной власти России, активно применяющая инструменты и технологии, порожденные «экономикой, основанной на знаниях». Но для того, чтобы ожидаемая стратегическая перспектива реализовалась, необходимы огромные резервы пространственно-временной толерантности.

Экономика пространства по-своему решает встающие перед ней исторические задачи. Огромная пространственная система России в начале XX века ответила на вызов уходящего от нее в отрыв индустриального мира тем, что призвала большевиков и решила задачу своей индустриализации. При этом материальные затраты и человеческие потери в расчет не принимались. В одной из любимых российским народом песен есть слова о победе, за которую ценой не стоим.

В конце XX века России был брошен вызов иного рода — вызов «экономики, основанной на знаниях». Переродившиеся большевики потеряли власть во многом потому, что оказались совершенно не готовы к этому вызову. Ныне Россия занята рыночными преобразованиями, восстановлением и укреплением вертикали власти, формированием резервов, возвратом имперского

духа, — короче говоря, тем, что еще очень далеко отстоит от требуемого ответа.

Какой ответ найдет Россия на вызов «экономики, основанной на знаниях»? Кого призовет, чтобы сформулировать и отчеканить свой ответ? Полтора столетия тому назад Николай Гоголь писал: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа. Летит мимо все, что ни есть на земле, и, косясь, посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства» [4].

Пророческие слова — летит мимо и не дает ответа. Молчаливо ее огромное пространство. Но вопрос не останется без ответа. Россия даст его в свое время, когда найдет для него необходимую форму и внутренние силы. Непрозрачность отечественной политики и экономики корреспондируются с непредсказуемостью траектории развития страны.

В современной научной литературе получила развитие интересная институциональная интерпретация данной проблемы. Противостояние «экономики пространства» и «экономики времени» выражается в ней как противостояние двух социальных систем, обладающих противоположными институциональными основаниями — соответственно, X — матрицей и Y — матрицей [5]. Если для X — матрицы характерны субординация, труд как служба и редистрибуция материальных ценностей, то для альтернативной Y — матрицы свойственны конкуренция, деятельность по контракту и обмен материальными ценностями.

Каждая из матриц обладает прочным ядром базисных институтов, но допускает — в определенных пределах — заимствование комплементарных институтов, сформировавшихся в среде альтернативной матрицы. Конкретным проявлением толерантности в ситуации такого заимствования будет соразмерность трансфера институтов потенциалу адаптации институциональной матрицы — реципиента.

Несоблюдение указанной соразмерности провоцирует враждебные столкновения двух противоположных

институциональных оснований, что, в свою очередь, порождает в институциональной организации современного мира поистине тектонические сдвиги, сравнимые с результатами столкновения гигантских плит, на которых по-

коятся земные континенты. Глобальная интеграция неравномерно, порой в режиме жесткого контактного взаимодействия, продвигает процесс институционального синтеза.

Примечания:

1. Williamson O. The Economic Institutions of Capitalism. N. Y.: Free Press, 1981. P. 78.
2. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVIII вв. М.: Прогресс, 1992.
3. Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Сочинения. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998. С. 56.
4. Гоголь Н.В. Повести. Пьесы. Мертвые души. М.: Худож. лит., 1975. С. 512.
5. Polanyi K. The Livelihood of Man. N. Y.: Academic Press Inc., 1977.

References:

1. Williamson O. The Economic Institutions of Capitalism. N. Y. : Free Press, 1981. P. 78.
2. Braudel F. The time of the world. Material civilization, economy and capitalism of the XV-XVIII centuries. M.: Progress, 1992.
3. Machiavelli N. II Principe // Machiavelli N. Works. M.: EKSMO-PRESS, 1998. P. 56.
4. Gogol N.V. Stories. Plays. Dead souls. M.: Khudozh. lit. 1975. P. 512.
5. Polanyi K. The Livelihood of Man. N. Y. : Academic Press Inc. 1977.